

Научная статья

УДК 398.2(=512.156)

DOI 10.25587/2782-4861-2025-3-86-99

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОЛЬКОР ТУВИНЦЕВ И НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ (сюжетно-тематическая общность, этнические особенности)

А. С. Донгак¹, Надмид Сухбаатар²

¹Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия
e-mail: antdon@mail.ru

²Институт монголо-ойратских исследований, Улан-Батор, Монголия
e-mail: na_sukhbaatar4@msue.edu.mn

Аннотация. Этнофольклорные традиции тувинцев и народов Западной Монголии (ойратских народов, состоящих из таких народностей как *урианхайцы, дорведы, баяды, олеты, дархаты, мингаты, сартуулы, захчины*) складывались при схожих историко-культурных и природно-географических условиях пребывания в составе единых государственных образований и потому характеризуются схожестью хозяйственно-культурного типа, религиозно-мировоззренческой общностью, тесными языковыми связями, что способствовало появлению общих мотивов в сюжете не только различных эпических сказаний и сказок, но и легенд и преданий в том числе.

В связи с этим чрезвычайно актуальными представляются изыскания по выявлению общих черт тувинского исторического фольклора, основных сюжетно-тематических циклов и этнического своеобразия в сравнительном плане с фольклором народов Западной Монголии и являются одним из интересных и малоизученных областей в тувинской и монгольской фольклористике.

Авторами ставится цель выявить основные сюжетно-тематические циклы и этнические особенности имеющихся в наличии образцов исторических легенд, преданий и устных рассказов тувинцев и западно-монгольских народов. Определены задачи полевого сбора и систематизации для дальнейшего сравнительного изучения их типологии, жанровой специфики, историзма, основного круга персонажей, стилистико-художественных характеристик и особенностей бытования. Введение исторических легенд и преданий в научный оборот чрезвычайно важно для дальнейшего теоретического обобщения их национального своеобразия, определения круга персонажей, проблем различных контаминаций, художественных характеристик как оригинальных явлений фольклора. Новизна работы состоит в том, что впервые в тувинской и монгольской фольклористике проводится сравнительно-типологическое исследование исторического фольклора соседних народностей. Материалом для исследования послужили фольклорные тексты на тувинском и монгольском языках и их переводы на русский язык, изданные тувинскими и монгольскими фольклористами, а также полевые экспедиционные материалы авторов, собранные в Монголии и Туве. При проведении исследования авторами были применены историко-типологический и комплексный методы, а также методы полевого исследования при сборе и фиксации материалов, включенного наблюдения: интервью, опроса, текстологического описания, обзора, обобщения, ведущим в работе является сравнительно-сопоставительный анализ. В результате проведенного исследования авторы пришли к выводу, что исторический фольклор тувинцев и народов Западной Монголии сложился внутри несказочной прозы как самостоятельный вид со своей тематикой и жанровыми чертами, художественными характеристиками, системой персонажей и особенностями бытования.

Ключевые слова: тувинцы; народы Западной Монголии; исторические легенды; предания и устные рассказы; сюжетно-тематическая общность; персонажи, этнические особенности

Для цитирования: Донгак А. С., Сухбаатар Н. Исторический фольклор тувинцев и народов Западной Монголии (сюжетно-тематическая общность и этнические особенности). *Эпосоведение*. 2025;3(39):86–99. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-3-86-99>.

© Донгак А. С., Сухбаатар Н., 2025

© Dongak, A. S., Sukhbaatar, N., 2025

Original article

Historical folklore of the Tuvans and the peoples of Western Mongolia (plot and thematic commonality, ethnic features)

Antonina S. Dongak, Nadmid Sukhbaatar

Tuva Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government
of the Republic of Tyva, Kyzyl, Russia
e-mail: antdon@mail.ru

Institute of Mongol-Oirat Studies, Ulan-Bator, Mongolia
e-mail: na_sukhbaatar4@msue.edu.mn

Abstract. The ethno-folklore traditions of the Tuvans and the peoples of Western Mongolia (the Oirat peoples, consisting of such nationalities as the Uriankhai, Dorved, Bayad, Olet, Darkhat, Mingat, Sartuul, Zakhchin) developed under similar historical, cultural and natural-geographical conditions of being part of single state entities and are therefore characterized by similarity of economic and cultural type, religious and ideological community, close linguistic ties, which contributed to the emergence of common motifs in the plots of not only various epic tales and fairy tales, but also legends and traditions as well. In this regard, it is extremely relevant to conduct research to identify common features of Tuvan historical folklore, identify commonalities in their main plot-thematic cycles and ethnic originality in comparison with the folklore of the peoples of Western Mongolia, which is one of the interesting and little-studied areas in Tuvan and Mongolian folklore studies. Thus, the main goal of the authors is to identify the main plot-thematic cycles and ethnic originality of samples of historical legends, traditions and oral stories of Tuvans and Western Mongolian peoples with the task of further comparative study of their typology, genre specificity, historicism, the main circle of characters, stylistic and artistic characteristics and features of existence. The introduction of historical legends and traditions into scientific circulation is extremely important for further theoretical generalization of their genre originality, circle of characters, problems of various contaminations, artistic characteristics as original phenomena of folklore. The novelty of the work is that for the first time in Tuvan and Mongolian folklore studies, comparative and contrastive studies of the historical folklore of neighboring peoples are conducted. The material for the study was folklore texts in Tuvan and Mongolian languages and their translations into Russian, published by Tuvan and Mongolian folklorists, as well as field expedition materials of the authors collected in Mongolia and Tuva. In conducting the study, the authors used historical-typological and complex methods, as well as field research methods in collecting and recording materials (included observation, interviews, surveys, textual description), applied the method of review, generalization, the leading one in the work is comparative and contrastive analysis. As a result of our research, the authors came to the conclusion that the historical folklore of Tuvans and the peoples of Western Mongolia developed within non-fairy-tale prose as an independent type with its own themes and genre features, artistic characteristics, system of characters and peculiarities of existence.

Keywords: Tuvans; peoples of Western Mongolia; historical legends; traditions and oral stories; plot-thematic community; ethnic uniqueness

For citation: Dongak, A. S., Sukhbaatar, N. Historical folklore of Tuvans and peoples of Western Mongolia (plot and thematic commonality, ethnic features). *Eposovedenie*. 2025;3(39):86–99 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-3-86-99>.

Введение

Устная словесность тувинцев как духовная система складывалась в течение всего историко-культурного пути народа. В фольклоре нашли свое отражение образное мышление, художественно-эстетический вкус, менталитет народа, созерцательное восприятие красоты и гармонии окружающей среды, особенности материальной культуры и хозяйственной деятельности, характер взаимоотношений между людьми, их отношение к животному миру, идеи любви к родной земле, неизменности таких понятий как дружба и братство между людьми, их преданность друг другу, верность данному слову, клятве, честь и достоинство простых людей-кочевников,

мечты о мирной жизни, наблюдения за изменчивостью общественных явлений и борьба с вызовами живой и неживой природы.

Наиболее крупными жанрами тувинского повествовательного фольклора являются богатырские сказания, сказка и ее жанровые разновидности. Другими жанрами и видами повествовательного фольклора тувинцев считаются произведения несказочной прозы: миф (*бурун-чугаа* – древний рассказ), легенда (*тоолчургу чугаа* – сказочное повествование), предание (*төөгү чугаа* – исторический рассказ) и устные рассказы (*болган таварылга* – быличка) [1, с. 12]

История изучения несказочной прозы тувинцев

Собирательская работа и введение в научный оборот мифов, легенд, преданий и устных рассказов тувинцев связаны с именами Г. Н. Потанина [2], Н. Ф. Катанова [3], Ф. Я. Кона [4] и др. путешественников.

Д. С. Кууларом в 1959 г. в статье «О тувинских легендах и преданиях» на тувинском языке впервые были проанализированы произведения несказочной прозы тувинцев [5, с. 115–120].

В очерке «Тувинский фольклор» Д. С. Куулар сделал научное описание и жанровую классификацию произведений несказочной прозы [6]. В 1995 г. на тувинском языке был опубликован сборник «Мифы, легенды и предания тувинцев», составленный А. Д. Арапчором (переиздан в 2010 г.) [7]. В предисловии к нему С. М. Орус-оол выделила три тематические группы легенд и преданий: 1) топонимические; 2) о шаманах и ламах; 3) о людях с необычными способностями [8, с. 3–16].

В академическом томе «Тувинские мифы, легенды и предания», вышедшем в свет в 2010 г., также определены специфика и тематическая классификация произведений тувинской несказочной прозы. Так, тематика легенд и преданий разделена на топонимические, генеалогические, культовые и легендарно-мифологические [1, с. 33].

На основе выводов предыдущих исследователей можно заключить, что легенды, предания тувинцев сложились как результат общественно-исторического развития народа в реалиях природно-географического окружения, и потому важно определить в дальнейшем национально-самобытные свойства в тематике, образной системе и художественно-изобразительных средствах в этих жанрах фольклора.

Исторический опыт тувинского народа в легендах и преданиях

Исторический фольклор тувинцев, отраженный в содержании легенд и преданий, как часть несказочной прозы посвящён конкретным событиям, происходившим на территории Тувы и сопредельных территорий и реальным людям – участникам этих событий.

Несмотря на наличие в произведениях исторического фольклора субъективного фактора, они привлекают внимание исследователей как один из источников по изучению этнической истории и традиционного мировоззрения народа. В свое время Д. С. Куулар, говоря о тувинском фольклоре как об источнике для исследования истории тувинцев отмечал: «Фольклористами зафиксировано немало памятников устного народного творчества, подтверждающих исторические факты о значительном усилении классовых противоречий и вольнодумства аратов в Туве на рубеже XVII–XVIII вв. Подобные мотивы связаны с борьбой монголов и ойратов с маньчжуро-китайским господством. В исторических преданиях и легендарных сюжетах, созданных в те далекие времена, очевидцы реальных событий запечатлели картины борьбы и поражений борцов за независимость и свободу родной земли. О различных перипетиях этой длительной, непримиримой борьбы народов Центральной Азии, в которой тувинцы приняли активное участие, повествуют предания об АмурСане, Шидарбане, Хурулмае, легендарные сюжеты о КараЧоде, Борбак-Сате, Чугурук-Сате, исторические песни о бунтарях-одиночках, Сарыг-Самдане, Эрен-Хоо» [9, с. 10].

Источниками легенд и преданий выступают рассказы очевидцев, но со временем в условиях устной традиции, при передаче от одного рассказчика к другому они неизменно подвергаются различным новшествам-изменениям, дополнениям. Так, с течением времени исторические

события неизбежно подвергались интерпретации, получая сюжетные трансформации, и в рассказ постепенно вводятся новые подробности, сюжетные детали и мотивы, и на этом фоне постепенно происходит сюжетно-тематическая циклизация. В то же время предания и легенды, наравне с устными рассказами могут послужить вспомогательным источником, дополняющим архивные материалы. Таким образом, легенды и предания представляют собой своеобразную устную летопись народа, в которой сохранились выстраданная народом историческая память и мечты и чаяния людей о лучшем будущем.

В ходе исторического пути тувинцы с древнейших времен находились в самых тесных взаимосвязях с *урянхайцами*, *дархатами*, *хотогойтами*, *баядами*, *дорведами* и другими западно-монгольскими народностями, что стало основной базой для возникновения общности героико-исторических и топонимических легенд и преданий.

Вышесказанное обуславливает важность изучения сюжетики, типологии и этнической специфики легенд и преданий тувинцев исторического содержания в сопоставлении с похожими жанрами фольклора народов Западной Монголии. Представляется, что введение в научный оборот подобного рода материала, может стать одним из перспективных направлений в целом в тувинской и монгольской фольклористике.

Теоретических исследований, посвященных жанру исторических легенд и преданий, в тувинской фольклористике мало. Тувинский исторический фольклор рассматривался исследователями в русле общих работ, посвященных в целом произведениям несказочной прозы, таких как мифы, легенды, предания и устные рассказы, о чем отмечено ведущим фольклористом С. М. Орус-оол: «Тувинские предания и легенды об исторических личностях впервые рассматривались Д. С. Кууларом с точки зрения их внутрижанровой классификации. А специальных работ, посвященных этой тематике, в тувинской фольклористике до сих пор не имеется» [10, с. 335].

Далее С. М. Орус-оол были проанализированы разные варианты (не только текстов, хранящихся в Научном архиве ТИГПИ, но и собранных в свое время Ф. Коном и И. Сафьяновым) тувинских преданий об ойратском князе Амурсане (тув. Амыр-Санаа) и хотогойском князе, чин-ване Чингунжаве (тув. Шыдарван), предводителях антиманьчжурского национально-освободительного движения XVIII в. [10, с. 335–343]. Соотношению исторического начала и мифологических мотивов в тувинских фольклорных текстах об Амыр-Сане и Шыдарване была посвящена и статья З. Б. Самдан [11 с. 346–350].

А. С. Донгак в своей статье «Исторические предания и легенды тувинцев и устные рассказы и представления западномонгольских народов об Амурсане и Чингунжаве» произвела сравнительный анализ текстов тувинских легенд и преданий о таких исторических личностях как ойратский Амурсана и хотогойтский Чингунжав (Шыдарван), опубликованных в томе «Тувинские мифы, легенды и предания», вышедшем в свет в 2010 г., и своих полевых материалов, собранных в ходе комплексной монголо-тувинской экспедиции в Завхан и Увс аймаках Монголии в 2012 г. Автором сделан вывод о том, что наличие в содержании тувинских исторических легенд, преданий и устных рассказов представлений современных западномонгольских народов, похожих сюжетов и мотивов доказывает типологическую общность этих явлений как результат контактных творческих связей тувинцев с этими народами, обусловленных сходной исторической судьбой тувинского и монгольского народов, того пути, который они прошли вместе, и общей борьбой с китайско-маньчжурскими поработителями-оккупантами [12, с. 5–15].

А. С. Донгак также исследовала локальное своеобразие сюжетов и мотивов топонимических преданий Юго-Восточной Тувы в контексте этнокультурных связей тувинцев региона с монголами – жителями соседней Западной Монголии [13].

Наиболее яркими образцами тувинского исторического фольклора являются легенды, предания, песни и устные рассказы, связанные с так называемым восстанием «шестидесяти богатырей». В Туве до сих пор не забыли об антифеодалных выступлениях аратов в 1883–

1885 гг., получивших название как «восстание шестидесяти беглецов». После жестокого подавления восстания и казни организаторов и участников, в народе появилось много рассказов очевидцев, которые позднее превратились в легенды, предания и песни, воспевающие подвиг и мученическую смерть повстанцев.

Как отмечают авторы-составители тома «Тувинские легенды и мифы», «в основе этих преданий – реальные факты и персонажи. Содержание их подкрепляется историческими документами и воспоминаниями очевидцев, родственников и потомков участников восстания. Но столетия оказалось достаточно для того, чтобы герои и события приобрели в этих преданиях фантастические, гиперболизированные черты. Тем не менее произведения о Восстании шестидесяти беглецов сохраняют историческую достоверность» [1, с. 36]. Эти выводы подтверждаются и историками. В монографии Ю. Л. Аранчына «Героический путь тувинского народа» впервые в тувинской исторической науке на основе различных источников из архивов сибирских городов и монгольязычных документов из НА Республики Тыва и Монголии было дано наиболее полное и объективное освещение событий антифеодального восстания аратов в 1883–1885 гг., а также роль и значение участия тувинцев в общей с монгольскими народами антиманьчжурской борьбе 1911–1912 гг. [14].

Известно, что с 1940-х гг. Ученым комитетом ТНР (позже Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ), ныне – Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (ТИГПИ)) был организован сбор устного материала о восстании 1883–1884 гг., который позднее послужил дополнительным подспорьем к архивным документам и проливал свет на многие неизвестные моменты того периода. В предисловии к своей книге Ю. Л. Аранчин прямо подчеркивает: «при написании данного труда, я внимательным образом изучил и “подозрительные” документы, о существовании которых прежде умалчивалось и живые свидетельства людей или, как их называют, “заинимательные”, бережно хранившиеся в памяти аратов, многократно прочитывая, сравнивая и соотнося их» [14, с. 11].

Анализу фольклорных текстов различных жанров о восстании «шестидесяти богатырей» (1883–1885 гг.), определению их жанрового своеобразия и выявлению основного сюжетно-мотивного состава и художественно-стилистических черт посвящена статья А. С. Донгак (в соавторстве с Е. В. Айыжы и А. М. Монгушем), где авторы отмечают, что по своему идейно-тематическому содержанию эти тексты относятся к историческому фольклору, сложившемуся в середине 1880-х гг. и в более позднее время [15].

По определению С. М. Орус-оол, «тувинские исторические предания – это короткие прозаические рассказы, не имеющие отработанной веками четкой структуры, единого сюжета, как, например, героический эпос или волшебная сказка. Несмотря на то, что они рассказываются от случая к случаю, раскрывают черты национального характера тувинского народа в движении от одного этапа к другому. Этот динамизм содержания ведет к тому, что композиция исторических преданий становится рыхлой. Рассказ приближается к бытовой разговорной речи» [10, с. 342].

Этнофольклорные традиции тувинцев и народов Западной Монголии складывались при схожих историко-культурных событиях и природно-географических условиях пребывания в составе единых государственных образований и потому обусловлены религиозно-мировоззренческой общностью и тесными языковыми связями.

В исторической памяти западномонгольских народов: *элжэгэн халх*, *хотогойтов*, *дархатов*, *дорведов* и *баядов* – также сохранились воспоминания об общей кочевой территории и их тесных историко-культурных связях с такими тувинскими родоплеменными группами, населяющими Юго-Восточную Туву, как *сояны*, *кыргысы* и *чооду*.

Авторы сами убедились, что даже у молодого поколения современных жителей Западной Монголии, в частности Увс и Завхан аймаков, сохраняются представления о том, что и тувинцы, и монголы до недавнего времени жили совместно на предгорьях горы Ханхөхий (тув. Хаан-

Көгей), относящейся к хребту Монгольский Алтай. Один из наших информантов-тувинцев рассказал о том, как он, будучи подростком, в 1948 г. вместе с родителями перекочевал с территории Монголии в Туву, где в то время началась коллективизация, и тувинцев, живущих у предгорий горы Хаан-Көгей на территории Увс аймака МНР (Монгольской Народной Республики), вынудили оставить их традиционные кочевья (Информант: Дамдын Борагай Чызылаевич, из рода *ак соян*, зимник Оваа-Сайыр, Эрзинский кожуун Республики Тыва, запись А.С. Донгак от 26 июня 2011 г.).

Следует отметить, что жители Завхан и Увс аймаков и сегодня хорошо владеют тувинским языком, причем не только люди старшего поколения, поскольку в их памяти сохранилось не только совместное проживание, но и существование их тесных родственных связей с тувинскими родами – *сосянами*, *кыргысами*, *чооду*, *ооржаками*, *иргитами* и т. д. В частности, в Завхан аймаке мы встретили представителей нескольких семей, считающих, что они принадлежат к тувинскому роду *кыргыс*, к настоящему времени полностью омонголившимся, и еще помнящих своих родственников, живущих в Туве. Тувинским языком хорошо владеет и молодежь, особенно в Увс аймаке, что является примечательной особенностью жителей приграничных с Республикой Тыва аймаков Западной Монголии. В этой связи сохранившееся до сегодняшнего дня тувинско-монгольское двуязычие в Эрзинском и Тере-Хольском кожуунах можно считать уникальным культурным наследием населения Юго-Восточной Тувы.

«Мои родители говорили только на монгольском, у них и я научился монгольскому языку. В то время монголы жили близко от нас, границы как таковой не было. Мы всегда общались с монголами и были очень дружны словно родня. Мы ходили к ним в юрты, и они к нам приходили и пили чай. Проводили совместно праздники. И скот пасли на одной территории. Иногда даже создавали совместные семьи. Тувинскому языку я обучился, когда пошел в школу»¹.

Итак, предварительно можно выделить следующие основные сюжетно-тематические циклы тувинских и западномонгольских исторических легенд и преданий:

- *топонимические* – о происхождении названия местностей, связанных с конкретными историческими событиями или реальными лицами – тувинцами или монголами;
- *генеалогические* или истории о происхождении и границах расселения различных родоплеменных групп, родов и взаимоотношениях между ними;
- о *героях* национально-освободительной борьбы тувинцев и монгольских народов против маньчжуро-китайских оккупантов в середине XVIII – начале XX вв. Амыр-Сане и Чингунжаве (Шыдарване); шестидесяти героях-беглецах, в том числе и об их предводителе Самбажыке и других; участниках войны 1912 г. за освобождение г. Кобдо от маньчжуро-китайских оккупантов и локальных сражений между красными партизанами и белогвардейцами на территории Тувы в 1919–1920-х гг.;
- о шаманах, ламах и хувилганах (буддийских перерожденцах);
- о борцах, силачах и удалцах;
- о людях с необычными способностями и искусных мастерах (кузнецы, охотники, сказители, импровизаторы-поэты, певцы, исполнители хөөмөя и т. д.).

В ходе тувинско-монгольской комплексной экспедиции в Эрзин в 2011 г. нами были зафиксированы сюжеты о буддийских ламах, шаманах, борцах, кузнецах и других личностях, которые жили по соседству друг с другом и становились персонажами преданий и устных рассказов. Это могут быть и монголы, и тувинцы по национальности. Популярными являются сюжеты о ламах и борцах.

В частности, зафиксированы рассказы о ламах в трех вариантах от разных информантов; о прославленном тувинском кузнеце из Юго-Восточной Тувы, который восхитил своим талантом монголов, т. к. он изготовил из серебра такую маленькую модель насекомого – вши, которая

¹ Информант: Бавуу Хоома Балганович, 1935 г.р., род. в местности *Оваа-Аксы* возле с. Качык; пенсионер, место записи: с. Нарын, Эрзинский кожуун, Дом культуры, запись от 21.06.2011 г.

к тому же бегала, словно живая. О знаменитом борце-тувинце по имени Мөге-Сыптык (монг. Бөх-Сыптык) из местности Кунгуртуг говорили, что во время борцовских поединков ни один соперник не мог с ним справиться, ибо он мог обуздать необъезженную кобылу, схватив за хвост или за гриву.

«Однажды Мөге-Сыптык отправился вместе с товарищами в Монголию, чтобы участвовать в Наадаме – традиционном празднике тувинских и монгольских кочевников, когда он победил там всех борцов, то его проклял один монгольский шаман. По дороге в Туву, Мөге-Сыптык из-за воздействия проклятия заболел и умер. Товарищи оставили его мертвое тело на приграничной территории, а сами вернулись домой. Те монголы, которые послали проклятия борцу, пришли и забрали его тело в Монголию и там похоронили, совершив обряд освящения. Тогда монголы обнаружили, что причина богатырской силы у Мөге-Сыптыка заключалась в том, что у того грудь состояла из сплошной кости, а ребра отсутствовали. С тех пор говорят, что после того, как освятили тело этого борца, в Западной Монголии тоже стали появляться такие же сильные борцы»².

В другом рассказе говорится о борце по имени Канын Аракчаа, который жил во времена ТНР³. *«Во время республиканского Наадыма сильнейшие борцы перед тем как участвовать в соревнованиях, в первую очередь спрашивали: “Участвует ли в сегодняшних соревнованиях Канын Аракчаа из Эрзина?”. И, если его там не было, то какой-нибудь сильный борец говорил: “Если его нет, то сразу выдайте мне мою награду!”⁴.*

В тувинском фольклоре, как и в фольклоре западномонгольских народов, также бытуют рассказы о таком полумифологическом персонаже – силаче Сартагтай (тув. Сартакпан). В книге «Баяд ардын аман зохиол» («Фольклор народности баяд») опубликована топонимическая легенда «Сар толгой»: *«В окрестности Тэс и Зуунговь сомонов Увс аймака есть маленькая гора, называемая Сар толгой. В километрах 20 от этой горы, но уже на территории Тувы, также есть маленькая, лысая гора Агар синего цвета. Говорят, силач Сартакпан оторвал от этой синей горы (Агар) верхнюю часть и бросил, словно камень, на территорию сомона Тэс, и так образовалась небольшая гора Сар толгой. Первоначально эту гору называли “Голова Сартакпана” или “Гора Сартакпана”, но со временем гора стала называться Сар толгой» [16, с. 476].*

Исторические легенды и предания народов Западной Монголии

В легендах и преданиях народов Западной Монголии также отражена борьба против внешних врагов – маньчжуро-китайских завоевателей. Как и в Туве, в устной традиции народов Западной Монголии, ярко выраженные социальные, классовые мотивы появляются в XVII–XIX вв. в связи с усилением агрессивной, захватнической политики Маньчжуро-Цинской империи Китая в Монголии и Саяно-Алтае. Так постепенно в народной среде стали слагаться легенды и предания, повествующие о владетельных князях – ойратском Амурсане и хотогойтском Чингунжаве, которые возглавили движение сопротивления и подняли свой народ против угнетателей Цинской империи. Их вооруженная борьба с цинской армией в 1755–1757 гг. за освобождение Джунгарин и Халхи получила широкий отклик в сердцах и умах простого народа, который закрепил те события в своих преданиях и легендах.

В монографии бурятского историка Ш. Б. Чимитдоржиева «Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII–XVIII вв.» на основе обширной источниковедческой базы, в том числе и народных преданий и легенд, была освещена историческая роль и значение монгольских деятелей, владетельных князей – чахарского Лигдэн-хана, халхаского Цогт-тайджи, ойратских ханов Галдан Бошокту, Цэван-Равдана, Галдан-Цэрэна, Амурсаны и хотогойтского Шадар-вана Чингунжава в отстаивании свободы и независимости Монголии

² Информант: Биче-оол Валерий Кунажапович, 1954 г. р., уроженец с. Нарын, запись сделана А. С. Донгак в апреле 2011 г.

³ ТНР – Тувинская Народная Республика

⁴ Информант: Сагды Маажыевич Мангар, 1936 г.р. 75 лет, из рода кыргыс

от экспансионистской и оккупационной политики Маньчжурской Цинской династии. Автор посвятил отдельную главу народным преданиям о борцах за национальную независимость и социальную свободу Монголии Амурсане и Чингунжаве и справедливо отметил, что «память о героических подвигах Амурсаны и Чингунжава сохранились не только в Монголии, но и в соседних странах. Например, предания об Амурсане были широко распространены среди западномонгольских племен – олетов, дербетов, захчинов, торгутов, а также среди урянхайцев, казахов и других тюркских народов [17, с. 137]. Устойчивы сюжеты легенд и преданий о великом Чингис-хане, основателе Монгольского государства, образующие так называемый цикл чингисианы [18; 19].

Одними из распространенных сюжетов исторических легенд и преданий являются рассказы о кузнецах, силачах, шаманах, религиозных деятелях.

Например, в сборник «Баяд ардын аман зохиол» («Фольклор народности баяд») вошла легенда «*Тувагийн Бичилдэй заарин хятад чэтгэрийг тулманд хийж булшилсан нь*» ‘О том, как тувинский шаман Бичилдей похоронил мертвого китайца, ставшего привидением, заключив его в козью шкуру’ [16, с. 436–437], где главным персонажем выступает тувинский шаман. В этой легенде мотив ненависти к китайцам является основным, очевидно, сюжет рассказа сложился во время господства маньчжуров.

В фольклорной традиции монгольских народов также широко известны легенды о распространении буддизма в Монголии и деятелях буддийской церкви – Далай-ламе, ламах-хувилганах, божествах и т. п. [19, с. 332–341]. В тувинском фольклоре тоже бытовали легенды, предания и устные рассказы с похожими сюжетами, в которых зеркально отражается история распространения буддизма в Монголии и Туве. Очевидно то, что они основаны на таких жанрах средневековой тибето-монгольской традиционной историографической литературы, как *чойн-жун* (история буддизма), *лор-жус* (хроника), *намтар* (житие) и т. п. Сделан вывод о том, что различные тексты, в том числе и произведения исторического жанра *чойн-жун*, составленные средневековыми монгольскими учеными-ламами, попали в Туву в общем потоке религиозной литературы буддизма и распространились в фольклоре тувинцев как легенды и устные рассказы [20].

Многие сюжеты монгольских легенд и преданий имеют литературное происхождение и заимствованы из летописной традиции. В 1960–1980-х гг. исследование монгольского фольклора проводилось усилиями известных ученых П. Хорлоо, Г. Ринчэнсамбуу, Ш. Гаадамба, Ц. Цэрэнсодном, Ж. Дашдорж, Ц. Олзийхутаг, Х. Сампилдэндэв, Б. Катуу, С. Дулам и др.

С 1982 г. Институт языка и литературы Академии наук Монголии, помимо исследований, начал публикацию фольклорных текстов в серии, посвященной разным жанрам монгольского фольклора. В частности, были изданы тома народной песни и ее разных жанров (протяжных, коротких, свадебных, бытовых), сказок и героических сказаний, несказочной прозы, обрядового и шаманского фольклора, народного юмора, а также малых жанров (пословиц, поговорок, скороговорок).

В настоящее время напечатано более тридцати сборников, в числе которых тома, куда вошли образцы фольклора народов Западной Монголии, подготовленные известным ученым-фольклористом Б. Катуу: «Торгууд ардын аман зохиол» («Фольклор Торгууд») [21], «Захчин ардын аман зохиол» («Фольклор Захчин») [22] совместно с Э. Пурэвжавом, «Дөрвөд аман зохиол» («Фольклор Дорвод») [23], «Монгол урианхайн аман зохиол» («Монгольские народные сказки») [24] куда вошли, наряду с другими жанрами, легенды и предания.

В монгольской фольклористике для обозначения произведений несказочной прозы закреплены термины – *домо́г* (легенда), *туухийн домо́г* (предание) и *хуучин яриа* (старинный или устный рассказ). В монгольском фольклоре есть также жанр (поджанр) как «*домогт дуу*» (букв. «песня, связанная с легендой»). Многие народные песни связаны в той или мере с какой-нибудь легендой, рассказывающей об истории появления или сочинения этой песни [24, с. 580],

что можно считать этническими особенностями. Также распространены предания и легенды в стихотворной форме, что не характерно, например, для тувинской традиции. В этом случае, на наш взгляд, в них появляются отдельные черты и признаки сказочного жанра с характерными поэтическими клише и художественно-стилистическими приемами – зачином, концовкой, хотя обычно преданиям свойственна свободная форма повествования и их стилистике не характерны устойчивые зачины и концовки, как в сказках и эпических сказаниях.

Например, предание «Бөх буурал», повествующее о борце-удальце Буурал начинается с такого зачина:

‘Славился у западных монголов / Силач по-имени Бөх буурал.
Обладая телом могучим, / Имея мягкий, добрый нрав,
Был он вором знаменитым.
Если расспросить, откуда он родом, / Оказывается, урянхайцем был.
Несмотря на силу и одаренность, / Воровством и грабежами он
Пропитание себе находил’ [21, с. 592].

В 1992 г. во время первой командировки тувинских ученых в АН Монголии в Улан-Баторе было записано «Предание о двух тувинских удалцах по имени Мартаажык и Тавхай»⁵:

Это предание распространено среди аратов Сагил *сомона* (деревня) Увс *аймака* (равняется области или району в современной РФ) Монголии.

В 1930 г. в монастыре «Тёгсубуянт» в Западной Монголии вспыхнуло антиреволюционное восстание, которым тайно руководили в т. ч. и двое тувинцев по имени Мартаажык Тавхай. Один из них был очень искусным кузнецом и изготовил себе ружье. Эти двое жили тем, что со своими ружьями охотились на горе Хандагайты. Как монголы говорят, они были «сайн эр» – кайгалами-удальцами (обычно так называли угонщиков скота – А. Д., Н. С.), проворными, смелыми охотниками, бойкими и мудрыми людьми. Отправили солдат и подавили восстание и когда стали выяснять: «Кто же был предводителем?», то оказалось, что были названы и имена этих двух тувинцев. Была отправлена группа солдат для их поимки, спустя несколько дней преследований их схватили у устья реки Саглы. В сопровождении четырех солдат их отправили в армейский штаб, расположенный в центре аймака. Так со связанными руками, под охраной четырех монгольских солдат (каждого из них охраняли по два солдата), эти двое тувинцев ехали верхом на лошади на расстоянии друг от друга примерно в 2500 шагов и пели хоомий⁶, и так они общались меж собой. Охранники, чтобы послушать их хоомий, когда приблизились, те двое урянхайцев меж собой так договаривались через хоомий: «Давай уничтожим этих четырех солдат и убежим?». Один из них освободился от веревок, и они смогли обезвредить солдат, а затем на захваченных лошадях смогли убежать.

В других вариантах предания говорится: *Они убежали, убив троих солдат, а четвертому выколол один глаз. Когда власти узнали об их победе, за ними отправили целый взвод солдат, но те так и не смогли их догнать. Затем эти двое достигнув вершин Западно-Алтайских гор, там же закололи одну из лошадей, отдохнули, набрали в емкость воды и через ледники продолжили свой путь дальше* (перевод с монг. А. С. Донгак).

Сам факт бытования данного предания среди народов Западной Монголии свидетельствует о многом. Описываемые в повествовании события основаны на реальном событии и связаны с антиправительственными вооруженными выступлениями в первой половине 1930-х гг.

⁵ Информант: Хархөвүүний Гаадан башкы, место записи: г. Улан-Батор, 1992 г. Запись: А. С. Донгак.

Информант: Хархөвүүний Гаадан (1923-2007), один из известных буддийских и общественных деятелей современной Монголии, возглавлявший главный монастырь Монголии — Гандантэгчинлин в 1980–1990 гг., в молодости до 1937 г. служил в монастыре Төгсбуянт вблизи Тургэн сумона в Западной Монголии, о котором шла речь в нарративе. Возможно, он сам был живым свидетелем тех событий.

⁶ Горловое пение

на территории Западной Монголии и Тувы. Речь идет о восстании, вспыхнувшем весной 1930 г. на приграничной с Тувой территории буддийского монастыря Тэгусбуянту⁷ [25, с. 91].

Запись этого предания является весьма примечательным и историческим свидетельством того, что тувинцы и народы Западной Монголии очень тесно взаимодействовали в упоминаемое в нарративе время, тем более информантом выступил сам Гаадан башкы, один из авторитетных буддийских деятелей современной Монголии, бывший Хамба-лама главного монастыря Монголии – Гандантэгчилин (1980–1990 гг.). Гаадан башкы был уроженцем Сагил сомона Увс аймака Монголии (как раз тех мест, где происходили события нарратива – А. Д., Н. С.), по этнической принадлежности *дөрвөд* (другое написание – *дэрбэт*). Ранее, будучи светским человеком и ученым-буддологом, Гаадан башкы преподавал тибетский язык на филологическом факультете Монгольского госуниверситета. Данное предание, записанное от Гаадан башкы, можно считать классическим образцом исторического фольклора.

В повествовании наглядно проступают следующие признаки жанра исторических рассказов (указано реальное время: 1930 г.; реальное место действия: буддийский монастырь Тогсбуянту; реальные лица (с указанием этнической принадлежности): Мартаажык, Тавхай; их человеческие качества: смелые, проворные, умные; род занятий: охотники, кузнецы, удальцы, прекрасно исполняли хоомий и т. п.). Также свойственная произведениям сказочной прозы стилистическая форма повествования о достоверном: «Это предание распространено среди аратов Сагил сомона...»; «В других вариантах предания говорится...».

Современный тувинский писатель Монгуш Кожелдей написал повесть «Төрээн чурттан ыракка» («Вдали от родины»), где главный герой, как и в монгольском предании, человек по имени Мартаажык, который жил во времена Тувинской Народной Республики (ТНР). В 1930-х гг., когда в ТНР усилилась классовая борьба и начались репрессии, главный герой повести – Мартаажык был несправедливо обвинен в контрреволюционной деятельности, и ему пришлось со своими двумя товарищами покинуть Туву и перебраться через Монгольский Алтай в Синьцзян-Уйгурский район Китая. И в монгольском предании, и в литературном произведении, есть много перекликающихся мотивов: время действия – 1930-е гг.; обвинения Мартаажыка в контрреволюционном мятеже; побег с товарищами в Китай через Алтайский хребет; жизнь на чужбине; один из его товарищей был талантливым кузнецом; он и его товарищи, с которыми он бежал, убегая от преследователей, общались меж собой, исполняя горловое пение [26]. Примечательно то, что в тувинском фольклоре не сохранилось сведений о бытовании рассказа с похожим сюжетом. Во всяком случае, фольклористы пока не сталкивались с таким материалом. Возможно, в реальности и существовал такой герой, ведь писатель опирался же на какие-то сведения, возможно, и на сюжет исторического предания.

Заключение

Исторический фольклор тувинцев и народов Западной Монголии сложился внутри сказочной прозы как самостоятельный вид со своей тематикой и жанровыми чертами, художественными характеристиками, системой персонажей и особенностями бытования. Наличие в содержании легенд и преданий похожих сюжетов и мотивов доказывает типологическую общность этих явлений как результат контактных творческих связей тувинцев с монгольскими народами, обусловленную сходной исторической судьбой тувинского и монгольского народов, того пути, который они прошли вместе, и общей борьбой с маньчжурскими поработителями-оккупантами.

⁷ Монастырь Тэгусбуянту – основан под названием Раашжуннайлин в 1725 г. на прежней родине дэрбэтов на южной стороне Алтайского хребта в долине р. Эрчис в 1753 г. в связи с переселением дэрбэтов был перевезен и с 1880 г. постоянным местом расположения стал хошунный центр дэрбэтского Далай-хана у подножья горы Тэгусбуянту (монг. Төгүсбуянту ‘Преисполненный благодеянием’) на месте слияния двух рек – Живэрт и Буурал (современная территория сомона Турган Увс аймака Монголии) [На. Сүхбаатар. Восстание 1930 г. в дэрбэтском монастыре Тэгусбуянту и тувинцы // Ученые записки. Выпуск XXIV. Кызыл: 2017. С. 91]

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить, что историческому фольклору тувинцев и народов Западной Монголии присущи следующие общие характеристики: повествовательный характер, лаконичность сюжета, но с образованием сюжетно-тематической циклизации (в частности, о таких героях как Амыр-Сана и Чингунжав, «шестьдесят богатырей-беглецов»), отсутствие четкой композиции, ссылка на конкретный или некий источник, скудость художественно-изобразительных средств, смешение жанровых признаков, которые и составляют жанровую специфику.

Жанры несказочной прозы не обладают той устойчивостью поэтической формы, которая присуща сказкам, поэтому обычно они определяются по характеру содержания произведений. В то же время в монгольском фольклоре распространены предания и легенды в стихотворной форме, что не характерно, например, для тувинской традиции, что можно считать этническими особенностями фольклора монголов. Также характерной особенностью содержания исторического фольклора является то, что они зачастую есть отражение конкретных событий, поступков и деяний реальных личностей (и тувинцев, и представителей монгольских народов).

Установлены следующие основные сюжетно-тематические циклы тувинских и западномонгольских исторических легенд и преданий: топонимические; о героях национально-освободительной борьбы тувинцев и монгольских народов против маньчжуро-китайских оккупантов в середине XVIII – начале XX вв. Амыр-Сане и Чингунжаве (Шыдарване); участниках войны 1912 г. за освобождение г. Кобдо от маньчжуро-китайских оккупантов; о борцах, силачах и удалцах; о людях с необычными способностями и искусных мастерах (кузнецы, охотники, сказители, импровизаторы-поэты, певцы, исполнители хоомея и т. д.).

В отличие от других жанров фольклора, например, сказок, исторический фольклор до настоящего времени хоть и в усеченном виде, но как важный источник информации и историческая память о прошлом, сохраняется в народной памяти как наказ будущим поколениям.

Литература

1. Алексеев Н.А., Куулар Д.С., Самдан З.Б., Юша Ж.М. (ред.). *Мифы, легенды, предания тувинцев*. Новосибирск: Наука; 2010:372 (на тувинском и рус. яз.). (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 28).
2. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 гг. по поручению Императорского Русского Географического Общества членом-сотрудником онаго Г. Н. Потаниным. Выпуск IV. Материалы этнографические, с 26-ю таблицами рисунков. В кн.: Шойгу К.С. (ред.). *Урянхай Тыва дептер. Антология в 7 томах. Том второй. Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IV в.–XX в.)*. Москва: Слово; 2007:419–495.
3. Катанов Н.Ф. *Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым. Ч. IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым*. Санкт-Петербург; 1907:658.
4. Кон Ф.Я. За пятьдесят лет. Т. 3. Экспедиция в Сойотию. Москва, 1934: 462. В кн.: Шойгу С.К. (ред.). *Урянхай Тыва дептер. Антология в 7 томах. Том четвертый. Урянхайский край: перекресток мнений (конец XIX – начало XX вв.)*. Москва: Слово; 2007:560.
5. Куулар Д.С. О тувинских легендах и преданиях. В кн.: Ученые записки / ТНИИЯЛИ. Вып. VII. Кызыл: Тувин. кн. изд-во; 1959:115–120.
6. Калзан А.А. (ред.) *Тыва улустуң аас чогаалы*. Кызыл: Тувин. кн. изд-во; 1976:184 (на тувинском яз.).
7. Арапчор А.Д. (ред.). *Тыва улустуң мифтери болгаи тоолчургу чугаалары*. Кызыл: Тувин. кн. изд-во; 2010: 178 (на тувинском яз.).
8. Орус-оол С.М. Предисловие. В кн.: Арапчор А.Д. (ред.). *Тыва улустуң мифтери болгаи тоолчургу чугаалары*. Кызыл: Тувин. кн. изд-во; 2010:178 (на тувинском яз.).
9. Куулар Д.С. Тувинский фольклор в контексте центрально-азиатских устно-поэтических традиций: Автореферат дис. ... д. филол. наук. Улан-Удэ: 2000:46.

10. Орус-оол С.М. Тувинские легенды и предания о выдающихся героях Шыдарване (Чингунжаве) и Амыр-Санаа. В кн.: Чулуун С., Жигмэддорж Э. (ред.) *XVIII–XX зууны эхэн үеийн Монголын түүхийн судалгаа*. Улаанбаатар; 2010:335–343.
11. Самдан З.Б. Мифологические мотивы в тувинских исторических преданиях о Шыдарбане и Амыр-Сане. В кн.: Чулуун С., Жигмэддорж Э. (ред.) *XVIII–XX зууны эхэн үеийн Монголын туухийн судалгаа*. Улаанбаатар; 2010:346–350.
12. Донгак А.С. Исторические предания и легенды тувинцев и устные рассказы и представления западномонгольских народов об Амарсане и Чингунжаве. *Mongolica*. 2022;2(25):5–15.
13. Донгак А.С. Топонимические предания и легенды Юго-Восточной Тувы. *Новые исследования Тувы*. 2018;(3):126–147. <https://doi.org/10.25178/nit.2018.3.9>
14. Аранчын Ю.Л. *Тыва улустуң маадырлыг оруу*. Кызыл: Тувин. кн. изд-во; 2011:208 (на тувинском яз.).
15. Айыжы Е.В., Донгак А.С., Монгуш А.М. Восстание 60 богатырей 1883–1885 гг. в фольклоре тувинцев. *Oriental Studies*. 2024;17(5):1151–1165. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2024-75-5-1151-1165>
16. Катуу Б. (ред.) *Баяд ардын аман зохиол*. Улаанбаатар; «Соёмбо принтинг»; 2011:606 (на монгольском яз.).
17. Чимитдоржиев Ш.Б. *Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII – XVIII вв.* Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН; 2002:216.
18. Мелехин А. (ред.). *Чингисиана. Свод свидетельств современников*. Москва: Эксмо; 2009:678.
19. Позднеев А.М. *Образцы народной литературы монгольских племен. Вып. 1*. Санкт-Петербург; 1880:145–185.
20. Донгак А.С. Легенды и устные рассказы об истории распространения буддизма в тувинском фольклоре. *Oriental Studies*. 2018;(1):113–120.
21. Катуу Б., Сампилдэндэв Х. (ред.) *Торгууд ардын аман зохиол*. Улаанбаатар; «BCI»; 2002:461 (на монгольском яз.).
22. Катуу Б., Пүрэвжав Э. *Захчин ардын аман зохиол*. Улаанбаатар: «Бемби Сан»; 2004:452 (на монгольском языке).
23. Катуу Б. *Дөрвөд аман зохиол*. Улаанбаатар: «Арвин судар»; 2005:387 (на монгольском яз.).
24. Катуу Б., Цэрэнсодном Д. (ред.) *Монгол урианхайн аман зохиол*. Улаанбаатар: «Арвин судар»; 2011:712 (на монгольском яз.).
25. Сүхбаатар Н. Восстание 1930 г. в дэрбэтском монастыре Тэгусбуянту и тувинцы. *Ученые записки ТИГПИ. Выпуск XXIV*. Кызыл: 2017:91–100.
26. Монгуш Көжелдей. *Чогаалдар чыындызы. Тоожулар, шүлүктөр, шиш*. Кызыл: Тываполиграф; 2024:230 (на тувинском яз.).

References

1. Alekseev NA., Kuular DS., Samdan ZB. (eds.) *Myths, legends, and tales of the tuvans*. Novosibirsk: Nauka Publ.; 2010:372 (in Tuvan and Russian). (Monuments of folklore of the Peoples of Siberia and the Far East; vol. 28)
2. Potanin GN. Essays on Northwestern Mongolia. Results of the journey undertaken in 1876–1877 by order of the Imperial Russian Geographical Society. In: Shoygu SK (ed.). *Uryankhai Tyva depter. Anthology in 7 Volumes. Vol. 2. Tribes of Sayano-Altai. Uryankhai People (4th–20th Centuries)*. Moscow: Slovo Publ.; 2007:419–495 (in Russian).
3. Katanov NF. *Samples of folk literature of turkic tribes. Pt. IX. Dialects of the Uryankhai (Soyots), Abakan tatars, and karagas. Texts collected and translated by N. F. Katanov*. Saint Petersburg; 1907:658 (in Russian).
4. Kon FY. Fifty years. Vol. 3. Expedition to Soyotia. Moscow; 1934:462. In: Shoygu KS. (ed.) *Uryankhai Tyva depter. Anthology in 7 Volumes. Vol. 4. Uryankhai Region: Crossroads of Opinions (Late 19th – Early 20th Centuries)*. Moscow: Slovo Publ.; 2007:560 (in Russian).
5. Kuular DS. On tuvan legends and tales. *Uchenye zapiski TNIIYALI*. Kyzyl: Tuvan Book Publ. House; 1959; iss. 7:115–120 (in Russian).
6. Kalzan AA. (ed.) *Tuvan folk art*. Kyzyl: Tuvan Book Publ. House; 1976:184 (in Tuvan).

7. Arapchor AD. (ed.). *Tuvan legends and myths*. Kyzyl: Tuvan Book Publ. House; 2010:178 (in Tuvan).
8. Orus-ool SM. Preface. In: Arapchor AD (ed.). *Tuvan legends and myths*. Kyzyl: Tuvan Book Publ. House; 2010:178 (in Tuvan).
9. Kuular DS. *Tuvan folklore in the context of Central Asian oral poetic traditions*. Summary of Doctor's dissertation (Philology). Ulan-Ude: 2000:46 (in Russian).
10. Orus-ool SM. Tuvan legends and tales about the outstanding heroes Shydarvan (Chingunjav) and Amyr-Sanaa. In: Chuluun S., Zhigmeddorzh E. (eds.) *Research on Mongolian history from the 18th to the early 20th centuries*. Ulaanbaatar; 2010:335–343. (in Russian).
11. Samdan ZB. Mythological motives in Tuvan historical legends about Shydarban and Amyr-San. In: Chuluun S., Zhigmeddorzh E. (eds.) *Research on Mongolian history from the 18th to the early 20th centuries*. Ulaanbaatar; 2010:346–350 (in Russian).
12. Dongak AS. Historical legends of the tuvans and stories of Western Mongolian peoples about Amarsana and Chingunzhav. *Mongolica*. 2022; 2(25):5–15 (in Russian).
13. Dongak AS. Toponymic legends of Southeastern Tuva. *Novye Issledovaniya Tuvy*. 2018;(3):126–147 (in Russian). <https://doi.org/10.25178/nit.2018.3.9>
14. Aranchin YL. *The heroic path of the tuvan people*. Kyzyl: Tuvan Book Publ. House; 2011:208 (in Tuvan).
15. Aiyzhy, E. V, Dongak AS, Mongush AM. The 1883–1885 uprising of the 60 Heroes in tuvan folklore. *Oriental Studies*. 2024;17(5):1151–1165 (in Russian). <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2024-75-5-1151-1165>
16. Katuu B. (ed.) *Bayad ardyn aman zohiol*. Ulaanbaatar: “Soyombo Printing”; 2011:606 (in Mongolian).
17. Chimitdorzhiev ShB. *National liberation movement of the Mongolian people in the XVII–XVIII centuries*. Ulan-Ude: Publ. House of the Buryat Scientific Center SB RAS; 2002:216 (in Russian).
18. Melekhin A. (ed.). *Chingisiana*. Collection of testimonies of contemporaries. Moscow: Eksmo Publ.; 2009: 678 (in Russian).
19. Pozdneev A M. *Samples of folk literature of Mongolian tribes*. Vol. 1. Saint Petersburg; 1880:145–185 (in Russian).
20. Dongak AS. Legends and stories about the spread of buddhism in tuvan folklore. *Oriental Studies*. 2018; (1):113–120 (in Russian).
21. Katuu B., Sampildendev Kh. (eds.). *Torguud folk literature*. Ulaanbaatar: “BCI” Publ.; 2002:461 (in Mongolian).
22. Katuu B., Purevjav E. (eds.) *Zakhchin folk literature*. Ulaanbaatar: “Bambi Sun” Publ.; 2004:452 (in Mongolian).
23. Katuu B. (ed.) *Dorvod folk literature*. Ulaanbaatar: “Arvin Sudar” Publ.; 2005:387 (in Mongolian).
24. Katuu CB., Tserensodnom D. (eds.) *Mongolian urianhai folk literature*. Ulaanbaatar: “Arvin Sudar” Publ.; 2011:712 (in Mongolian).
25. Sukhbaatar N. The 1930 Uprising in the Derbet Monastery of Tegusbuyantu and the Tuvans. *Scientific Notes of TIGPI. Iss. 24*. Kyzyl: 2017:91–100 (in Russian).
26. Mongush Kozheldei. *Collected Works. Legends, poems, lyrics*. Kyzyl: Tuvapoligraf; 2024:230 (in Tuvan).

Об авторах

Донгак Антонина Саар-ооловна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, сектор фольклора, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, ORCID: 0000-0002-7717-1786, e-mail: antdon@mail.ru.

Надмид Сухбаатар, PhD по истории, директор Института монголо-ойратских исследований, доцент кафедры всеобщей истории Монгольского государственного университета образования (Улан-Батор, Монголия), ORCID: 0000-0002-0438-5871, e-mail: na_sukhbaatar4@msue.edu.mn.

Information about the Authors

Antonina S. Dongak, Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher, Folklore Sector, Tuvan Institute for Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, ORCID: 0000-0002-7717-1786, e-mail: antdon@mail.ru.

Nadmid Sukhbaatar, PhD in History, Director of the Institute of Mongolian-Oirat Studies, Associate Professor of the Department of General History of the Mongolian State University of Education (Ulaanbaatar, Mongolia), ORCID: 0000-0002-0438-5871, e-mail: na_sukhbaatar4@msue.edu.mn.

Вклад авторов/Authors' contribution

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов/Conflict of interests

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Поступила в редакцию 26.05.25/ Submitted 26.05.25

Принята к публикации 19.08.25/ Accepted 19.08.25